

От долгих слёз глаза Цю Син сейчас из-за припухлости больше напоминали персики. Шмыгнув носом, девушка вымученно растянула губы в улыбке и проговорила:

— Цю Юэ сказала, что если я пойду к князю Мину, то, наверное, не смогу сдержаться и расплачусь, в отличие от неё. Она Вам всё рассказала?

Изначально она хотела сказать непринуждённым тоном, стараясь не плакать, но как только закончила последнее предложение, не смогла сдержать слёз. Подняв взгляд и посмотрев на Фэн Мина, служанка прикусила дрожащие губы, спросив:

— Цю Лань... Её тоже Жо Янь сжёл заживо?

Душу охватывала сильная боль, однако на лице сохранялась крайняя невозмутимость. Неужели убитая горем Цю Син по-прежнему собиралась его утешить?

Он кивнул, шёпотом проронив:

— Пока ещё ничего не известно. Потерпи, как только вернёмся в лагерь, посчитаем... Посчитаем тела, после сможем точно сказать. — От этих слов в горле пересохло.

— Всё превратилось в прах, разве можно их узнать? — Понимая, что это лишь слова утешения, Цю Син растерянно спросила: — Зачем? Ведь Цю Лань всего лишь служанка. Она ведь не сделала ничего плохого, да и воевать она не умела. Зачем её убивать? Всё, что она делала, — это прислуживала и вкусно готовила. Она что, мешала Жо Яню?

Подул горный ветерок, задевая и встряхивая прохладным дыханием рукава Цю Син. Однако казалось, даже этот ничтожный порыв сдует такую худенькую и невесомую служанку.

Преклонив колена, Фэн Мин вытянул руки и, прижав к себе, приглушённо сказал:

— Если хочешь плакать, то поплачь. Сдерживать себя — вредно для здоровья.

Но Цю Син, покачав головой, говоря:

— Я достаточно наплакалась, да и пролитые слёзы не смогут превратиться в клинок и убить этого деспота Жо Яня. Князю Мину не стоит обо мне беспокоиться, со мной всё в порядке, просто я немного переживаю за Ле-эра.

Фэн Мин никак не ожидал такой стойкости от Цю Син и, удивившись, успокоился. Похлопав её по хрупким плечам, князь устремил взгляд упал на горный ручей, а затем оглядел всё ущелье:

— Кстати, а где он? Жун Тянь сказал, что Ле-эр пошёл ухаживать за ранеными солдатами. Однако я и тени его не увидел.

— Он был здесь, — сказала Цю Син. — Когда генерал Тун рассказал, что Жо Янь вместе со своим войском отправился к нашему лагерю, собираясь напасть на него, государь, боясь, что может что-то произойти, попросил меня присмотреть за ним.

И тут Фэн Мину всё стало ясно.

Он понял, что решение остаться в ущелье далось Жун Тяню нелегко. Но как бы тяжело ему не было, молодой мужчина продолжал заботиться о тех, кто был рядом. Именно поэтому он послал Цю Юэ к Фэн Мину, чтобы та приглядела за ним, и заодно приказал Цю Син позаботиться о Ле-эре.

В итоге здесь самым ответственным, заботливым и в то же время по-настоящему обеспокоенным был трудолюбивый император Силэй.

— Получив неутешительные новости, Ле-эр тут же оседлал коня и помчался туда. — Девушка вытянула руку и указала в сторону гор. — Я подумала, что ему хочется побыть одному, даже если последую за ним, всё равно... Не смогу подобрать нужных слов.

Фэн Мин перевёл взгляд туда, куда указывала Цю Син, и проговорил:

— Я поеду туда и поищу его. Мы и так уже потеряли Жун Ху. Не хватало ещё, чтобы с Ле-эром что-то случилось!

Слёзы на лице Цю Син уже почти высохли, а сама служанка, вставая с места, сказала:

— Я тоже пойду с князем Мином. Да и потом, два человека лучше, чем один.

И они отправились в путь. Достигнув подножья горы, Фэн Мин и Цю Син пошли на восток, с каждым шагом замечая, как пейзаж меняется, открывая им равнину, на которой не было ни гор, ни рек. Там даже маленького деревца и то не было видно, лишь трава, которая росла клочками, и одна сплошная грязь, расстилающаяся чуть ли не до горизонта.

— Не знаю, куда убежал Ле-эр, чтобы поплакать, — отозвалась Цю Син.

И как только голос служанки стих, Фэн Мин внезапно указал куда-то вперёд, говоря:

— Что это за маленькая чёрная точка?

И они вдвоём стали внимательно всматриваться в даль, стараясь разглядеть эту чёрную точку, которая стала превращаться в огромное пятно. Оно приближалось, обретая силуэт всадника. Топот копыт становился всё громче, а сам всадник — всё ближе.

— Это Ле-эр! — выпалила служанка Фэн Мину.

Который тотчас свёл брови к переносице:

— Опасно так мчаться, ему грустно, нельзя было ему позволять в таком состоянии седлать коня, дабы излить злость. А если упадёт, что делать?

И действительно, юноша с таким остервенением гнал коня вперёд, подстёгивая того поводьями, что пока Фэн Мин и Цю Син разговаривали, Ле-эр уже почти приблизился.

Вскоре ретивый конь остановился и заржал, вставая на дыбы. Недолго замерев, животное вновь опустилось, ударяясь передними копытами о землю.

— Князь Мин! Цю Син! — вскрикнул Ле-эр, спрыгивая с жеребца. Увидев этих двоих, телохранитель растянул губы в довольной улыбке, а из груди вырвался радостный смех. — Вот уж не ожидал встретить вас первыми. Вы знали, что я буду ехать отсюда, и поэтому специально пришли встретить меня?

Было видно, Ле-эр недавно плакал, и доказательством служили его красные и припухшие глаза. Однако сейчас на лице вместо слёз сияла улыбка, что была ярче солнца, и это — крайне странно.

Фэн Мин и Цю Син очень странно посмотрели на Ле Эра.

— Ле-эр, с тобой всё хорошо? — обеспокоенно спросил князь.

— Со мной всё хорошо, — ответил юноша и, не скрывая радости, схватил Фэн Мина за плечи: — Князь Мин, у меня хорошие... нет, просто потрясающие новости! Мой старший брат и Цю Лань живы!

Глядя на такое поведение, Фэн Мин словно кричал «плохо дело!», после чего взглянул на Цю Син, на лице которой тоже отразилась обеспокоенность.

Неужели Ле-эр сошёл с ума?

От подобных взглядов улыбка юноши резко померкла, и он с такой же обеспокоенностью посмотрел на Фэн Мина:

— Князь Мин, почему у Вас такое лицо? Мой брат жив и Цю Лань тоже, Вы слышите? Или Вы не рады этому?

Сердце будто оборвалась при виде счастливого и в тоже время испуганного Ле-эра.

— Рад! Я несказанно этому рад. — Однако мысли князя сильно отличались от слов. Переведя взгляд на Цю Син, он подмигнул ей левым глазом, намекая, что Ле-эра надо поймать. А после вновь поглядел на телохранителя, ласково говоря: — Конечно, мы рады, что Жун Ху и Цю Лань живы, Ле-эр, Жун Тянь искал тебя. Ты идёшь?

— Его Величество искал меня? — Ле-эр на мгновение обомлел. Вскоре страх прошёл, и юноша уже радостно кивнул. — Хорошо, уже иду. Тем более, нужно рассказать государю эту радостную весть. — И крайне спешно направился вперёд.

Фэн Мин и Цю Син осторожно последовали за Ле-эром, стараясь не спускать с него глаз и украдкой перешёптываясь:

— Видишь, как случившееся сильно потрясло Ле-эра?

«Хорошая новость» словно искушала, и девушка, невольно поверив, неуверенно проронила:

— Князь Мин не думал... что, возможно, Ле-эр сказал нам правду? Что, если Жун Ху и Цю Лань всё ещё живы? Что, если им удалось сбежать?

— Я тоже искренне надеюсь на это, — Фэн Мин ненадолго замолчал, а потом со вздохом добавил: — Было бы здорово, окажись это правдой.

Вот только опытные воины, как Жо Янь, тщательно планируют атаку, буквально просчитывая все ходы и стараясь не оставлять никаких следов.

Также не стоило забывать, что на стороне Жо Яня была целая армия государства Ли, а на страже лагеря — лишь один раненый Жун Ху, который сейчас лежал без сознания, так что разница между ними ощущалась колоссальная. Но даже если бы солдаты воевали на равных, то всё равно шансов выжить почти не было.

Более того, войска, которые оставались в лагере, были очень слабыми и не выдержали бы такого огромного натиска.

Словно железные тиски, сдавливающие со всех сторон.

Смогли бы они сбежать из лап-тисков такого чудовища, как Жо Янь?

Правда, сама Цю Син не знала всего этого, однако, заметив выражение лица князя, вспомнила об ужасной репутации императора Ли. И, осознав, что её догадки лишь самообман, попытка утешить себя, служанка тихо вздохнула, чем привлекла внимание идущего впереди Ле-эра:

— После встречи с Его Величеством, возможно, найдётся способ вернуть Ле-эру рассудок. Но... Ле-эр так счастлив, язык не повернётся привести его в чувство.

Что же касается самого государя, то он ни на чжан не сдвинулся с места. До сих пор сидя там, где его оставил Фэн Мин, Жун Тянь был окружён несколькими генералами, с которыми обсуждал важные дела.

Услышав донесение Ле-эра, генералы буквально замерли на месте и сочувствующе посмотрели на юношу.

— Где сейчас Жун Ху и Цю Лань? — задумчиво проронил Жун Тянь.

— Они сейчас направляются сюда, — взволнованно ответил Ле-эр, краснея, словно во хмелю. — Я же поскакал вперёд, чтобы как можно скорее сообщить Вам эти новости.

— Мянью Я, — не колеблясь ни секунды, позвал Жун Тянь стоящего неподалёку охранника, — сейчас же седлай коня и разуздай, так ли это, а потом доложишь мне.

— Я поеду с тобой, провожу, — шустро отозвался Ле-эр.

— Ле-эр, это не обязательно, — сказал Жун Тянь. — Лучше останься здесь.

Получив приказ, охваченный сомнением Мянью Я направился к лошади.

Всем сразу же стало понятно, — как бы странно ни было, но Жун Тянь поверил Ле-эру.

Фэн Мин, как и все, осознал — прозорливый Жун Тянь знает, что делает.

Безнадёжное настроение кардинально изменилось, а сердце, словно в ответ на мольбу, безостановочно забилося в груди.

— Я тоже поеду посмотрю, — не сдержавшись, выпалил князь.

— Не стоит сейчас горячиться, подожди пока всё прояснится, — стиснул феникса в объятиях император.

Фэн Мину волей-неволей пришлось сбавить шаг и стоять как вкопанному рядом с Жун Тянем.

Однако в душе князь больше напоминал нетерпеливого котёнка, который только и делал, что размахивал коготками, беспорядочно царапаясь, и одаривал косыми взглядами находящегося сбоку императора.

Генералы прибывали в растерянности. Цю Син подошла к прислуживающей Его Величеству близняшке, и с беспокойством вытягивала шею, всматриваясь в даль, откуда совсем скоро показался конь, мчащийся на себе всадника. И уже через какое-то время оказался перед ждущей его толпой.

Остановив лошадь, телохранитель Его Величества легко, словно танцуя, спрыгнул с седла. Оказавшись на земле, Мянъ Я удивленно и в то же время радостно воскликнул:

— Ваше Величество, Ле-эр был прав. Жун Ху вместе с Цю Лань действительно едут к нам! Правда, Жун Ху всё ещё ранен и не может ехать быстрее, мои два охранника сопровождают их и скоро будут здесь.

После столь хороших новостей обстановка изменилась и стала более радостной. Напряжение, что было до этого, спало, словно кто-то ослабил туго натянутую тетиву.

— А! — одновременно воскликнули Цю Син и Цю Юэ и, крепко взяв друг друга за белые ручки, закричали: — Так это правда! Это правда!

Счастливым Ле-эр, изо всех сил состроив недовольную мордашку, проворчал, ругая сестёр:

— Конечно правда. Ах, неужели вы подумали, что я спятил и нёс чепуху?

Смеясь, князь неловко отозвался:

— Сначала я тоже так подумал, — потерев рукав Жун Тяня, Фэн Мин задрал голову, добавив: — Всё же ты хорошо изучил Ле-эра. Хотя что-то мне подсказывало, что он, который многое повидал на своём пути, не мог свихнуться от горя.

Ле-эр от услышанного закатил глаза.

Цю Юэ же с сестрой, хихикая исподтишка, стали корчить телохранителю рожицы.

Жун Ху и Цю Лань живы и невредимы, не описать словами то чувство, когда обрёл потерянное.

— Князь Мин, — обратилась Цю Юэ к Фэн Мину, упрямая, — можно мы с Цю Син пойдём и встретим Цю Лань?

Фэн Мин уже собирался было кивнуть.

Но Жун Тянь приглушённо ответил:

— Их уже встречают двое охранников, так что вам лучше остаться здесь.

Хоть на губах императора играла радостная улыбка, глаза же, наоборот, продолжали хранить серьёзность, придавая ему задумчивый вид. Ко всеобщему удивлению Жун Тянь внезапно указал на стоящего рядом молодого генерала:

— Цзы Янь, выйди. Тебе надо разлучить этих двух голубков и по очереди расспросить, как им удалось избежать осады Жо Яня, каким путём, может, им кто-то помог сбежать, как они оказались здесь? После тщательного допроса сопоставь их ответы и выясни: есть ли там какие-нибудь неточности. И уже после, как всё выяснишь, сразу доложи мне.

Изначально этим делом должна была заниматься охрана. Однако Жун Ху и Ле-эр являлись далеко не простыми телохранителями. Да и сам Цзы Янь не был хорошо знаком с Жун Ху. В итоге решение Жун Тяня испугало собравшихся, но каждый прекрасно понимал, — у Его Величества закрались кое-какие подозрения насчёт этой парочки.

Атмосфера счастья тотчас же изменилась. Вместо радости появились чувство беспокойства и недоумение. Смех и улыбки померкли.

Фэн Мин тоже обомлел.

Всё верно, ведь если бы Жун Ху не получил ранение, то сбежать из лап Жо Яня, было бы больше шансов.

Однако Жун Ху был тяжело ранен, плюс ко всему с ним находилась ещё и Цю Лань, которая, в свою очередь, была простой служанкой без каких-либо боевых навыков. Отчего возникал вопрос: каким образом им удалось благополучно сбежать?

Вот только называть эту парочку шпионами Ли язык не поворачивался. Даже помыслить о подобном никто не мог.

Услышав приказ государя, Ле-эр резко изменился в лице. Радость померкла, а вместо неё появился страх.

Когда юноша мчался на лошади, срывая зло, на пути ему встретились Жун Ху и Цю Лань. Это его сильно удивило и в то же время осчастливило. Более того, он думал, что нужно как можно скорее вернуться и поделиться этой отличной новостью, обрадовать охваченных печалью людей, потому он даже не подумал спросить у Жун Ху и Цю Лань, каким образом они смогли уцелеть и сбежать из лап Жо Яня.

На протяжении веков на земле царил безжалостная и кровопролитная война. Все одиннадцать государств тонули в море крови, сражаясь не на жизнь, а на смерть. И вместе с этой войной постоянно появлялись предатели, которых ненавидели до глубины души власти всех одиннадцати стран, поскольку в тех была великая и разрушительная сила. И чтобы эта сила не обернулась против любого государства, предателей решено было убивать без промедления, иногда даже не имея неоспоримых доказательств. И даже если жертва была невинна, её всё равно приговаривали к смертной казни, следуя принципу — лучше убить тысячу по ошибке, чем отпустить одного.

Воспользовавшись таким особым настроением, многие страны с помощью стратагемы «сеяния раздора» [1] могли специально сделать подобный жест, чтобы втянуть врага в свои интриги и его же руками казнить важных и доверенных лиц.

Ле-эр же нисколько не сомневался в преданности старшего брата. Вот только неужели в этом и заключается коварный план Жо Яня, неужели решил воспользоваться, как говорил тогда князь Мин, стратагемой «убить взятым взаймы ножом» [2]?

Подумав об этом, юношу бросило в холодный пот, ноги подкосились, и он рухнул на колени перед Жун Тянем, со словами:

— Государь, старший брат неизменно предан Вашему Величеству. Возможно, здесь...

Жун Тянь опустил взгляд и, задержавшись на спине покорного Ле-эра, блёкло улыбнулся, ласково говоря:

— Чувства путают суждения. В этом деле много странностей, даже сам император теряет в догадках. Поэтому, пока всё не прояснится, тебе раньше времени не стоит паниковать. — И тут он повернул голову и, взглянув в обеспокоенное лицо Фэн Мина, слегка потрепал князя по нежной щеке, после чего с серьёзностью добавил: — Не стоит бросаться от одной мысли к другой. Ты ведь мало знаком с Жун Ху и Цю Лань, а так сильно переживаешь за них. Что насчёт меня? Ведь Жун Ху с детства следовал за мной.

Жун Тянь ненадолго замолчал, после чего вновь проговорил:

— Раз уж возникли сомнения, то лучше всё выяснить, расспросив подробно. Ведь это не только развеет все наши подозрения, но и предотвратит ненужные о них слухи среди наших войск.

На что Фэн Мин кивнул, после чего, подойдя поближе к Жун Тяню, с недоумением тихо спросил:

— А если со мной случится подобная ситуация, ты тоже будешь допрашивать меня?

— Разумеется, — крайне решительно ответил Жун Тянь, и, обернувшись, глубоким взглядом

одарил любимого феникса. — Этот император лично будет допрашивать тебя, к тому же жёстко будет допрашивать, в постели. — И невольно рассмеялся.

Цю Син и все остальные поначалу затрепетали от страха и, не смея слова сказать, слушали навострив уши. А так как все они находились неподалёку от императора, то, естественно, шёпот Его Величества не миновал их уши.

Лицо князя резко дрогнуло, а ушко словно огнём обдало.

Жун Тянь, вернув невозмутимый вид, опустил голову и обратился к Ле-эру:

— Не стой на коленях — это ужасно некрасиво. Ты тот человек, который постоянно находился рядом со мной. И по-моему, ты единственный, кто не доверяет своему старшему брату. Цю Син, помоги ему подняться.

Коротко сказав «Слушаюсь», девушка спешно подошла к Ле-эру и помогла тому подняться с колен. Всё ещё придерживая юношу, Цю Син потянула его в сторону в ожидании других указаний. Её точная копия — Цю Юэ — боясь как бы Ле-эр не загрустил, подошла к сестрице и, достав чистый носовой платочек, с очаровательной наивностью протянула его юноше:

— Не надо плакать, твоих слёз больше чем у нас, девочек.

Все молча застыли в ожидании.

Цзы Янь, получив должность в этом году и являясь самым молодым генералом среди подчинённых Его Величества, работал аккуратно и ловко. Не прошло и часа, как приказ был выполнен. Облачённый в доспехи Цзы Янь уже явился с докладом:

— Уже допросил. И они мне сказали, что не сбегали от Жо Яня. Просто перед нападением эти двое, взяв лошадей, покинули лагерь и отправились сюда искать нас. Но из-за того, что Жун Ху серьёзно ранен, Цю Лань не осмелилась гнать лошадей во весь опор. Когда они уже подъезжали к подножию горы, им на пути встретился мчавшийся в сторону лагеря Ле-эр. Они даже не знали, что Жо Янь неожиданно напал на лагерь, поэтому, когда я им рассказал об этом, они пришли в ужас.

— Им что, Ле-эр ничего не сказал?

От этого вопроса самому Ле-эру стало немного неловко:

— Это было... такое счастье встретить их живыми. И убедившись, что они действительно люди, а не взывающие к отмщению обиженные духи, вернувшиеся после смерти, я помчался обратно, чтобы доложить об этом Вашему Величеству.

— Жун Ху получил серьёзное ранение, и ему нужен был покой. Так почему же они ни с того ни с сего решили покинуть лагерь? — в недоумении спросил Фэн Мин.

Видимо, этим же вопросом задался и сам Цзы Янь, после чего объяснил:

— По воле госпожи Яое.

— Госпожи Яое? — вскинул бровь князь.

Случай с «кровью возлюбленных» не прошёл для Фэн Мина даром. Из которого он вынес лишь один урок — всё, что касалось его своенравной матушки, приводило к сплошной головной боли.

— Именно, — вполне ясно и логично отозвался Цзы Янь. — Перед тем как покинуть лагерь, госпожа Яое ненадолго заскочила в комнатку и спешно дала Цю Лань указание. Госпожа Яое сказала, что на следующий день Жун Ху нужно дать другое лекарство, которое должно быстро поставить Жун Ху на ноги. А для этого Цю Лань должна посадить Жун Ху в повозку и отвезти к ней.

— Хм, ну раз так, то тогда почему они не поехали вместе с нами?

— Изначально они должны были последовать за войском, но госпожа Яое торопилась, и поэтому Цю Лань всё быстро приготовила. Подождав пока Жун Ху посадят в повозку, третий отряд войск покинул лагерь. На тот момент Жун Ху уже пришёл в себя и не хотел, чтобы Цю Лань гнала коней, догоняя войско, так как армия собиралась провести ночную атаку на засаду императора Ли. А поскольку помощи от них никакой, то, по крайней мере, не хотели быть в тягость.

Цзы Янь в мельчайших подробностях рассказал всё то, что ему удалось выяснить, потом ненадолго задумался и вскоре добавил к сказанному:

— Согласно приказу государя, Ваш слуга разделил эту парочку и допрашивал каждого из них по отдельности. Задавая вопросы, я буквально следил за каждым их словом, за каждым жестом. После чего сопоставил их ответы и поведение, стараясь ничего не упустить, и пришёл к выводу, — они не лгут.

Губы растянулись в довольной улыбке, обнажая ряд белых и аккуратных жемчужин-зубов. А сам князь радостно обратился к Жун Тяню:

— Ха, ну и как? Я же говорил, что они совершенно безобидны.

С чрезмерной любовью император посмотрел на Фэн Мина:

— Когда это я высказывал свои подозрения насчёт них? Но, в отчаянной ситуации, капелька осторожности не помешает. Ле-эр, иди, навести своего старшего брата. Цю Син и Цю Юэ, вы позаботьтесь о Цю Лань, — и потянув Фэн Мина за руку, мужчина удалился.

— Эй, куда ты меня тащишь? — воскликнул князь.

— Конечно же — навестить свою тещу, — уклончиво ответил Жун Тянь. — Ведь она единственная, кто может подтвердить их слова. А Цзы Яня отправлять к ней нельзя, поскольку это требует личного вмешательства, а будучи в положении любимого зятя, я крайне почтительно справлюсь о её здоровье.

В душе Фэн Мин одобрил идею Жун Тяня, отмечая про себя, какой он внимательный и заботливый. Однако, от подобных мыслей возникла некая раздражённость, и князь недовольно пробурчал:

— Какая такая теща? Ты должен называть её матушка[3], так будет правильнее. Ох, любимый зятёк. Не хватало, чтобы такой наглец, как ты, неожиданно сказал нечто подобное.

Госпожа Яое вместе с Сяо Цзуном не придерживались каких-либо манер. Хоть они согласились помочь Жун Тяню в реализации плана и, предоставив своих людей, обеспечили огромной мощью. Но, после битвы они не отправились докладывать о ходе военных действий, как это делали обычные генералы.

К слову сказать, сама же эта сладкая парочка сейчас находилась по ту сторону ущелья, сидела на склоне и любовалась великолепными отдалёнными пейзажами.

Люди же Сяо Цзуна кучковались под слонем горы, и хоть казались спокойными, однако могли видеть людей насквозь, если кто-то посмел бы опрометчиво подняться на склон и потревожить покой их господина с госпожой, то, наверняка, брызги крови разлетелись бы на пять шагов.

Но, к счастью, это правило не распространялось ни на Жун Тяня, ни на Фэн Мина, так как один являлся любимым учеником Сяо Цзуна, а второй — «любимым ребёнком» госпожи Яое.

Жун Тянь и Фэн Мин без каких-либо усилий быстро взобрались на склон холма.

Что касается Сяо Цзуна, то тот куда-то ушёл, и его никто не мог найти.

Одна лишь госпожа Яое находилась там, держа Цай Цзяна у себя на руках, поила его из старинной бамбуковой чашечки. Было заметно, что у этой красивой женщины, славящейся на весь мир своими злодеяниями, отличное настроение. Увидев государя в компании князя, женщина обернулась и смеясь проговорила:

— Я нашла здесь дикий мёд. На вкус он почти такой же, как и обычный, только намного слаще.

Я смешала его с ключевой водой, и которая придала ему особенный благоухающий и нежный аромат. Не хотите ли попробовать?

Но Фэн Мин, нисколько не задумываясь, покачал головой.

Ведь как говорится: однажды укушенный змеей десять лет боится колодезной верёвки [4].

Князю было проще что-то дать госпоже Яое, чем, наоборот, брать из её рук. Ведь в отличие от малыша Цай Цяна, который был полностью под её опекой, у её «любимого сына» было куда больше шансов отравиться от рук своей «доброй» матушки.

Жун Тянь, в свою очередь, наоборот, вёл себя учтиво и с очаровательной улыбкой на губах обратился к «тёще», справляясь о здоровье, упомянул о Жун Ху с Цю Лань.

— Верно, — крайне простодушно кивнула госпожа Яое. — Это я хотела, чтобы они явились сюда. Сначала хотела присоединить их к рядам солдат, но они неожиданно отстали. Верно-верно, я тогда спешно покинула лагерь и совершенно не горела желанием ждать, пока они медленно доберутся.

— Но Жун Ху был серьёзно ранен. Почему госпожа захотела, чтобы он в таком состоянии покинул лагерь, да ещё и на ночь глядя?

Женщина презрительно фыркнула, говоря:

— Из-за того, что рана серьёзная. Поэтому нужно обязательно на второй день собственными руками должна поменять лекарство. И раз уж я приложила руку, то обязательно спасу. В Вашей армии каждый лекарь — размазня, как гнойник, мельчайшая неосторожность и они доведут его до смерти, разве подобное не разрушит моё доброе имя, заработанное на протяжении всей жизни?

Князь незаметно удивился, услышав подобное.

Опираясь на те слухи, которыми славилась эта женщина, трудно было представить, что у госпожи Яое осталась такая роскошь, как «доброе имя».

В отличие от князя, мысли Жун Тяня были более тонкими и, нахмурившись, государь ответил:

— Хоть госпожа хотела лично поменять лекарство Жун Ху, но после атаки мы немедленно вернулись бы в лагерь, к чему тащить его сюда?

Держа на руках Цай Цяна, женщина улыбалась. Неожиданно услышав вопрос Его Величества, госпожа подняла взгляд и, пристально поглядев на Жун Тяня, опустила голову и продолжила

развлекать Цай Цзяна, безразлично бросая:

— Неужели император Силэй сомневался во мне и посчитал, что я сговорилась с Жо Янем? — изящный голос был подобен ледяным жемчужинам, но в этом холоде скрывалась ярость.

Боясь того, что эта эксцентричная женщина, называвшая себя его матерью, может вызвать опасное положение, Фэн Мин разомкнул губы и поспешно ответил:

— Конечно же, не могла. Ведь если матушка связалась с Жо Янем, то тогда, возможно, мы с Жун Тянем уже были бы мертвы, отравившись «кровью возлюбленных». Зачем делать такой огромный крюк, более того, зачем вытаскивать из лагеря Жун Ху и Цю Лань, чтобы мы их стали подозревать? Почему тяжело раненный Жун Ху, не щадя сил, ехал вслед за войском, только из-за лекарства? Мне очень любопытно.

Взгляд госпожи со смеющегося Цай Цяна переместился на лицо Фэн Мина.

Острый взгляд женщины постепенно смягчился, стоило заметить, что сын действительно находится в замешательстве, и, наконец, с лёгкой усмешкой госпожа Яое сказала:

— Ты такой глупый, но иногда и впрямь очень милый.

Фэн Мин растерялся, подвергшись насмешке с её стороны.

Эти слова можно принять за ругань или за похвалу?

— Как было бы замечательно, будь твой отец таким же красноречивым, вежливым и послушным, как ты, — и тут из груди женщины вырвался тихий вздох. После чего госпожа Яое взглянула на Жун Тяня и ответила: — Просто я не собиралась с вами возвращаться в лагерь, поэтому этот ребёнок решил лично поехать за мной сюда и попросить лекарство, которое могло поставить его на ноги.

— Что? Вы не собираетесь с нами возвращаться в лагерь? Но почему? — изумился Фэн Мин.

Обернувшись, женщина пристально посмотрела на него:

— Кто ты такой, что смеешь интересоваться, где я?

Князь лишился дара речи, услышав слова госпожи Яое.

Действительно, для этой женщины он был «ником», лишь простой обузой, которую она сначала родила, а после подбросила старому князю Жуну в качестве мальчика для битья.

Ненадолго оцепенев, князь вспомнил главный вопрос и вскрикнул:

— Не собираетесь ли Вы прямо сейчас увезти с собой Цай Цяна?

— Ну конечно же собираюсь.

— Можно его...

— Что его?

— Он же ведь ещё такой маленький...

— Ты был ещё меньше, когда попал во дворец Силэй. Что, всё никак не можешь смириться?

Князь был бессилён перед таким аргументом. Да и настоящего Ань Хэ уже давно не было в живых.

— Теперь твоя очередь, — посмотрев на Жун Тяня, проговорил Фэн Мин.

— Какая ещё моя очередь? — невозмутимо спросил Жун Тянь, стоя в стороне.

— Неужели ты позволишь ей увезти с собой Цай Цяна?

— Это уже давно обговоренное условие, — бесцветно проговорил невозмутимый Жун Тянь, — Неужели думаешь забрать свои слова, данные родителям, обратно?

Красивое и светлое личико князя слегка дрогнуло.

«Ещё не родился тот, кто после того, как условия были обговорены, посмел бы нарушить данное «отцу» и «матери» слово. Тем более, у одного меч, пронзающий быстрее молнии. Вторая же — щёлкнув пальцами, внезапно может отравить две улицы. И вот этих опасных людей ты решил водить за нос?»

Заметив, что молчание Фэн Мина слегка подзатянулось, Жун Тянь смягчил свой взгляд, и, улыбнувшись, прошептал на ушко:

— Если бы не госпожа, то мастер Сяо уже давно взял Цай Цяна и, как ни в чем не бывало, ушёл бы. И никто не посмел у него отнять внука, более того у госпожи ребёнок будет в безопасности. Нет гарантии, что мы сохраним его, потому не лучше ли позволить Цай Цяну последовать за бабушкой и дедушкой?

Понимая, что все уговоры бесполезны и Цай Цяна ему уже не отдадут, князь печально кивнул.

Раньше не обращалось внимания на такую мелочь, но сейчас, когда его разлучали с ребёнком, стало невыносимо больно, неужели проснулись «родительские» чувства?

В последнее время Фэн Мин только и делал, что много работал, вникая в политические дела и становясь опытнее, но в ситуации с Цай Цяном князь понимал, всё напрасно — госпожа Яое не отдаст ему ребёнка. Поэтому лучшим вариантом было отпустить, позволив ему уехать с бабушкой.

— Возьмите его, — подняв голову, проговорил он. — Но перед отъездом позвольте мне его обнять? А можете оставить нам Ваш адрес, чтобы мы знали, где проживает матушка?

Через несколько дней по приезду в Силэй, их будет ждать Цай Цин, которая обязательно спросит, где её сын. Надо будет что-то ответить.

Да и потом, возможно, Цай Цин захочется навестить господина Сяо и госпожу Яое, ведь она же не чужой им человек.

— Адрес? Но туда, куда мы собираемся, нет адреса.

— Как это «нет адреса»?

— То есть Вы скитаетесь?

— Если у Вас нет дома, то мы с Жун Тянем могли бы... — нерешительно промямлил Фэн Мин.

— Глупый, для чего мне дом? — «отрезала» женщина, а затем томно и неторопливо продолжила: — Да и потом, мир такой огромный, где именно этот дом? Я двадцать лет провела в печали и страдании, но сейчас со мной Цай Цян. Вместе с ним я отправлюсь путешествовать по всему миру, и пускай его дедушка вкусит сполна всё то, что пережила я, возможно обида покинет моё сердце? — договорив, женщина усмехнулась, добившись цели, и вместе с лёгким туманом счастья, охватившим душу, внезапно показалась яркой и трогательной, словно расцветшая пышным цветом юная девушка.

Фэн Мин и Жун Тянь обменялись взглядами, прекрасно понимая, сама госпожа Яое не собирается мириться с Сяо Цзуном. Во всяком случае не сейчас.

Как оказалось, их любовная война и не думала заканчиваться, наоборот, она лишь разожглась ещё сильнее, терзая и не оставляя никакой надежды знаменитому господину Сяо.

Правильно говорят: женщина — самое ужасное существо на земле. Тем более, если эта

женщина обладает незаурядным умом и красотой.

В годы своей молодости Сяо Цзун из всех красавиц выбрал госпожу Яое. И сейчас спустя столько лет жалел ли он о своём выборе?

Во всяком случае эта женщина, обладающая особым шармом и любовью, уже разрушила его одержимость к искусству меча.

Фэн Мину больше нечего было добавить. Всё, что сейчас он мог сделать, — это вытянуть руки и нежно обнять Цай Цяна на прощание.

Князь хотел сказать малышу несколько слов, но тот, посидев немного у него на руках, развернулся и, вытянув пухленькие ручки, громко закричал:

— Хочу к бабушке! Хочу к бабушке!

Крольчонок примет за родную мать всякую, кто накормит его молоком[5]. И кто бы мог подумать, что этот крольчонок Цай Цян за столь короткий срок, привязавшись к госпоже Яое, позабудет про всех, кто нянчился и окружал его до этого.

Глядя, как от истерики мордашка Цай Цяна становится всё краснее, госпожа Яое улыбнулась, от чего строгие и холодные черты лица смягчились, и, вытянув руки к ребёнку, женщина взяла его обратно к себе.

— Умница, — мягко проговорила она, ласково прижимая малыша к груди. — Ты же знаешь, что бабушка любит тебя больше всех?!

При этой сцене в голове как Фэн Мина, так и Жун Тяня промелькнула мысль: «А дедушку этого ребёнка? Как сильно ты его любишь?»

— Когда госпожа собирается уезжать? — поинтересовался Жун Тянь.

— Мы с Цай Цяном уедем через полчаса, — легко и непринуждённо ответила она. — Но сначала сделаю твоему охраннику перевязку и оставлю рецепт нового лекарства. От моего второго лекарства его рана должна почти затянуться, так что я ему больше не нужна. Ищите для него человека, который будет тщательно следовать моему рецепту и один раз в день давать ему новое лекарство.

На что Фэн Мин кивнул.

Никто, кроме Цю Лань, не обладал подобными навыками.

Получив ответы, нужно было возвращаться, а так как Жун Тянь являлся императором, которому нужно было принять важное решение, и после — объявить войску, томящемуся в этом незнакомом ущелье, потому молодой мужчина, взяв с собой Фэн Мина и распрощавшись с госпожой, направился прочь.

Однако, неизвестно о чём вспомнив, госпожа Яое окликнула князя, останавливая:

— Дитя, подойди сюда. — И, держа ребёнка на руках, женщина скрылась под сенью больших деревьев.

Со стороны это выглядело так, будто госпожа Яое хочет посекретничать с сыном.

Будучи тактичным человеком, Жун Тянь не последовал за любимым фениксом, оставшись ждать его на довольно приличном расстоянии.

Фэн Мин, не скрывая удивления, отправился за госпожой Яое, — под крону деревьев. Оказавшись наедине, женщина где-то с минуту разглядывала сына, а потом не торопясь проговорила:

— Когда вы остаётесь вдвоём, кто из вас сверху, а кто — снизу?

От такого вопроса даже бросило в жар, а сам князь зарделся так сильно, что красным стало не только лицо, но и шея.

— Это... это... — запинаясь, начал Фэн Мин, — мы пока... ещё не определились...

— Ох, ох, ох, — заохала госпожа Яое, — глядя на то, какой ты мямля, сразу понимаешь, что ты можешь быть только под императором Силэй! Я раньше не принимала тебя, потому что ты был похож на тех людей, над которыми часто издеваются другие. Но сейчас я приняла тебя, и вот, что я скажу: ты мой сын! А сын Яое разве может быть тем, кто снизу?

Не важно, какую позицию занимал князь — нижнюю или был сверху — тот вопрос требовал тщательного переосмысления.

Вот только, Фэн Мин был сильно смущён, и досадно, что он не мог прямо здесь выкопать яму и спрятаться от расспросов госпожи Яое. Сил не было даже спорить с этой женщиной. Да и мысли не возникало, что когда-нибудь он, князь Мин, станет обсуждать с «матушкой», кто из них снизу, — он или Жун Тянь.

Немного отругав никчёмного сына, госпожа Яое на миг задумалась. Внезапно глаза загорелись странным и загадочным блеском.

— Протяни руку и раскрой ладонь, — приказала она.

Требование матери всё же велико и князю пришлось подчиниться.

Как только белая ладонь оказалась перед ней, госпожа, достав из рукава, вложила в неё маленькую таблетку зелёного цвета.

— Возьми это, положи в вино и дай выпить императору Силэй. — Перед самым своим отъездом госпоже Яое хотелось проявить немного материнской любви по отношению к Фэн Мину. И, протянув руку, женщина нежно погладила щёку сына, ласково добавляя: — Твоя матушка хорошая. Даже несмотря на то, что я разлучаю тебя с твоим родным сыном, я всё же помогаю тебе. Что ж, он ждёт тебя, иди.

Спрятав «подарок», Фэн Мин, пребывая в недоумении, вышел к императору Силэй.

Жун Тянь стоял, ожидая любимого феникса. И как только тот подошёл к нему, молодой мужчина сразу же задал ему вопрос:

— Что тебе сказала госпожа?

Князь выглядел смущённо:

— Ничего особенного, просто кое-что посоветовала.

«Ни в коем случае нельзя говорить Жун Тяню о том, что матушка спрашивала, кто из нас сверху, а кто — снизу. Да и про таблетку... Если он примет её, то окажется ли снизу?»

Хм, а пригодится ли эта таблетка?

Хотя сильное и красивое тело императора Силэй на постели выглядит крайне соблазнительно...»

— Что это за странный взгляд? О чём ты думаешь? — Они шли рядом, и Жун Тянь чувствовал на себе пыливый взгляд князя.

На что Фэн Мин покачал головой, сказав:

— Да так, ни о чём, — и невольно захихикал.

— Что смешного?

— Ничего. Правда ничего. Жун Тянь, на самом деле... Меня успокаивают твои объятия...

«Большое спасибо Вам, матушка. Хоть Вы и добрая, но грехов у Вас слишком много, поэтому не нужно укорять родного сына за недоверие. Так что я ни за что не отдам Жун Тяню то, что Вы мне дали. Эта таблетка будет лишь подарком на память. И его я буду как следует беречь».

Примечания:

[1] Стратегема «сеяние раздора» — это одна из 36 стратегем.

[2] «Убивать взятым взаймы ножом» обр. в знач.: загребать жар чужими руками; делать грязную работу чужими руками, также отсылка к третьей стратегеме.

[3] Также 卍(роро) переводится как «свекровь».

[4] Тот же смысл, что у пословицы «обжёгшись на молоке, станешь дуть и на воду».

[5] В оригинале фраза звучит как «у кого есть молоко, та и мать» обр. в знач.: кто накормит, тот и хозяин; беспринципный, продажный, корыстный; продажность, беспринципность.

<http://bllate.org/book/13377/1190183>